

DOI: 10.15372/HSS20150402
УДК 930.22(093)

А.А. БОНДАРЕНКО

СТАВЛЕННЫЕ ЛИСТЫ МЕТРИКИ КОРОЛЕВЫ БОНЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Андрей Андреевич Бондаренко,
независимый исследователь (Москва),
e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru

Статья посвящена изучению ряда терминологических проблем дипломатики кириллических актов Великого княжества Литовского. На основании документов архива канцелярии королевы польской и великой княгини литовской Боны Сфорца разрабатывается определение одной из разновидностей грамот, выдававшихся ею православному духовенству Литовского государства, – ставленного листа. На основании анализа истории употребления в историографии и источниках Великого княжества Литовского терминов «привилей», «лист» и «грамота» автор приходит к выводу, что термин русской дипломатики «ставленная грамота» представляется наиболее уместным для обозначения актов Литовской метрики, утверждавших права на священноначалие. В дипломатике Литовского государства, таким образом, следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната.

Ключевые слова: дипломатика, акты, Литовская метрика, метрика королевы Боны, привилей, ставленный лист, Великое княжество Литовское, Бона Сфорца.

A.A. BONDARENKO

STAVLENNIYE LISTY OF QUEEN BONA SFORZA'S METRICA AS A HISTORICAL SOURCE

Andrey A. Bondarenko,
Independent researcher (Moscow)
e-mail: bondarenko-a.a@mail.ru

The paper discusses a range of disputable issues concerning the terminology of the Cyrillic acts from the Queen Bona Sforza's Metrica which is the basis of the archives at the chancery of Polish Queen and Lithuanian Grand Duchess Bona Sforza. These acts are related to the social institute of clerical investiture. The purpose of this article is to elaborate a definition of the notion "stavlenniy list" using the key classificatory category of source studies – "kind of historical sources". The author considers the history of the use of such terms as "priviley", "list", and "gramota" in historiography and sources of Grand Duchy of Lithuania. The Russian diplomatics term "stavlennaya gramota" is deemed the most appropriate for designating the Lithuanian Metrica's acts approving the rights to hierarchy. In the diplomatics of the Lithuanian state there should be distinguished 1) bishop's stavlenniy lists issued by the church authorities in accordance with the canon law and 2) secular stavlenniy lists which obtained a wide circulation owing to the application of the right of church patronage. A secular stavlenniy list is a document by which the representatives of secular authority conferred the right of one-man management upon any churchman with respect to a certain church, monastery or bishop's throne and also transferred him the rights to real estate. In Queen Bona's Metrica this sort of acts of a contractual and legislative nature is represented by four subsorts of lists: 1) for the office of priest; 2) for the office of hegumen; 3) for the office of bishop; and 4) confirmatory.

Key words: historical sources, diplomatics, acts, the Lithuanian Metrica, Queen Bona's Metrica, priviley, stavlenniy list, dozvolenniy list, Grand Duchy of Lithuania, Bona Sforza.

В среде источниковедов, дипломатистов и археографов нет единства относительно использования понятийного аппарата дипломатики, в том числе кириллических актов Литовской метрики. Исследователи архива канцелярии Великого княжества Литовского

XIX–XX вв. использовали главным образом терминологию источников. Начало разработке понятийного аппарата дипломатики литовско-русских актов было положено составителями Методических рекомендаций по изданию и описанию Литовской метрики 1985 г. [1].

Дальнейшее изучение внутренней формы актов Литовской метрики, составление дробной схемы классификации образующих ее документов должны способствовать избавлению от терминологической путаницы и развитию актового источниковедения Литовского государства в целом.

В первую очередь, необходимо остановиться на истории употреблении терминов «привилей», «лист», «грамота» в историографии и источниках. Применительно к значительной по объему части документов Литовской метрики XV–XVI вв. в историографии утвердился термин «привилей». Он же предлагается для использования составителями Методических рекомендаций 1985 г. как пришедший на смену термину «грамота» в конце XV в. [1, с. 20; 2, с. 52].

Под названием «привилей» М.Н. Ясинский предполагал «три рода совершенно различных по характеру и предмету содержания актов правительственной деятельности», интерпретируя это понятие как совокупность нескольких разновидностей актов договорно-законодательного вида: данных, уставных, льготных, дозволенных, подтвердительных [3, с. 10–25].

Широкое употребление данного термина в исследовательской литературе связано с тем, что большинство писарских заголовков, составленных к документам метрики при их копировании уже на рубеже XVI–XVII вв., определяло пожалования разного рода именно как «привилеи», что было вызвано усилившейся к этому времени полонизацией канцелярского языка Литовского государства¹. Польское слово «przywilej» произошло от латинского «privilegium», означавшего «priva lex» (от *privus* «особый» и *legis* «закон»). В качестве самоназвания актов XV и XVI вв. термин «привилей» не встречается, употребляется в текстах в качестве названия других документов значительно реже, чем «лист», и, как пишет О.И. Хоруженко, относится в этих случаях к великокняжеским грамотам [4, с. 359–360].

В текстах грамот метрики королевы Боны «привилеями» чаще всего называются пожалования великих князей, в том числе грамоты на имения, полученные самой королевой от Сигизмунда I Старого². Наиболее употребительная формула, относящаяся к документам, которые являлись доказательством прав землевладельца на имения, другое недвижимое и движимое имущество, — «листы, привилья и всякие твердости». «Привилеями» не назывались грамоты урядников («листы», «даты»), но в ряде случаев так именовались пожалования удельных князей: Ф.И. Ярославича

и его супруги Олены³, Марьи Олелькович⁴. Этот же термин употреблялся и в отношении некоторых грамот Боны («привилья нашо», «хотечи твердость и привилей от нас мети») ⁵. Так, в одном из документов книги записей 36 королева называла «привилеем» свою уставную грамоту, которая должна быть составлена и выдана жемайтской волости Новая Воля только после ее «волочного» измерения и создания реестра повинностей местного населения «посланцами» Боны⁶. Таким образом, «привилеями» назывались не только великокняжеские грамоты, но и просто «господарские» пожалования — то есть пожалования, исходявшие от представителей центральной власти в той или иной местности.

В работах по источниковедению и археографии истории Украины Н.П. Ковальский одновременно употреблял и термины «лист», «привилей», «грамота», и обобщающие понятия «записи», «документы». Основываясь на номинальном анализе документов, составляющих книги записей Литовской метрики, исследователь называл следующие их основные «разновидности»: «лист» (грамота), «подтверждение» (подтвержденная грамота), «признание» (акт признания соответствующих прав), «привилей» [5, с. 15]. В составе книг записей 22, 37, 38, 47 Н.П. Ковальский выделил 20 «форм актов записей», «исходя из их разновидностей и содержания» [5, с. 14]. Наименования этих «разновидностей» соответствуют писарским заголовкам конца XVI в., помещенным как перед текстами документов, так и в виде отдельно составленного реестра⁷. В основе этого деления лежит тематический принцип; исследователем учитывались и критерии авторства и адресата, и сфера социального воздействия документа.

«Привилеями» Н.П. Ковальский считал документы, фиксировавшие «пожалования магнатам, шляхтичам (“земьянам”), представителям местной королевской администрации на недвижимое имущество, организацию ярмарок, мещанам — на беспроцентную торговлю». В отличие от близких к ним «листов», «привилей не содержат распоряжений, наказов и других норм подобного императивного характера» [5, с. 18]. По логике исследователя, к «привилеям» в таком случае следует относить те же данные, дозволенные и льготные грамоты, идентичные по своей функции одновременно нескольким «разновидностям» листов.

³ РГАДА. Кн. 33. Л. 95 об.; Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостой Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году. Вильна, 1867. С. 224.

⁴ РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 58–58 об.

⁵ Там же. Кн. 18. Л. 57 об.–58; Там же. Кн. 32. Л. 4 об.–5; Там же. Кн. 33. Л. 104 об.; Ревизия пущ и переходов. С. 148, 234, 284.

⁶ РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 77–78.

⁷ См., напр.: Lietuvos metrika. Knyga Nr. 22 (1547). Uzrasymu knyga 22. Vilnius, 2010. P. 3–8; Lietuvos metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Uzrasymu knyga 37. Vilnius, 2011. P. 54–90.

¹ На примере документов книги литовских 6 записей О.И. Хоруженко рассмотрел бытование терминов «привилей», «грамота» и «лист» в канцелярской практике Литовского государства в конце XV — начале XVI в. Проведенный анализ позволил ему уточнить ряд представлений, изложенных в Методических рекомендациях 1985 г. [4, с. 359–360].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 32. Л. 41 об.; Там же. Кн. 36. Л. 113 об.

Г.В. Боряк и С.В. Абросимова насчитали 45 различных наименований документов в книгах записей и 98 в книгах судебных дел Литовской метрики. По мнению авторов, номинальный анализ актов подтверждает отсутствие в канцелярии Великого княжества Литовского «терминологической чистоты» в названиях грамот одной и той же разновидности [6, с. 86–88].

Выявление, учет и анализ устоявшихся номинальных признаков источников – их самоназваний и названий, встречающихся в тексте, – имеют важное значение в развитии дипломатики литовско-русских актов. В то же время построение классификационных схем актовых источников не может быть основано только на номинальном признаке. Некоторые современные литовские и украинские археографы продолжают «типологизировать» документы Литовской метрики в соответствии с терминологией писарских заголовков конца XVI в., поэтому «привилеи» (наряду с «листами» и «потверженьями») в их представлении являются одной из основных разновидностей документов архива канцелярии Литовского государства⁸.

Проанализировав около 5 тыс. актов Литовской метрики, относящихся к 1522–1552 гг., В.С. Менжинский «по содержанию и видовым признакам» различил пять «подгрупп» документов: 1) «жалованные и подтвердительные акты»; 2) указные грамоты («листы»); 3) судебные акты; 4) акты-записи; 5) акты частноправовых сделок между феодалами» [7, с. 8–9]. В соответствии с классификационной схемой С.М. Каштанова 1988 г. здесь одновременно представлены акты договорно-законодательного, договорно-распорядительного, судебно-процессуального, договорного видов, а также делопроизводственные источники [8, с. 150–154].

В.С. Менжинский, следуя, вероятно, Методическим рекомендациям 1985 г., относит к «листам» только указные грамоты [1, с. 25]⁹. Подобную трактовку данного термина О.И. Хоруженко считает «неправомерно зауженной», что подтверждается номинальным анализом документов любой из книг Литовской метрики, относящейся к концу XV – первой половине XVI в. [4, с. 360].

В источниках изучаемого времени термин «лист» употребляется широко, зачастую неопределенно и по своему объему, причем как и московско-русская «грамота», совпадает с понятием «документ». В этой связи использование термина «лист» (а не «привилей» или «грамота») при построении схем систематизации и составлении издательских заголовков к актовым источникам Литовской метрики представляется наиболее целесообразным. Термин «грамота» в дипломатике литовско-русских актов вполне возможно употреблять как общепринятый и синонимичный «листу».

⁸ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549). Uzasarymu knyga 32. Vilnius, 2012. P. XII.

⁹ При публикации актов их архива канцелярии Радзивиллов М.М. Кром точно так же сохранил самоназвание многих документов «лист» «только в отношении грамот распорядительного характера» [9, с. 21–22].

А.Л. Хорошкевич провела классификацию «жалованных грамот» Великого княжества Литовского конца XV в. Ею назывались следующие разновидности грамот: данные, несудимые, меновные, отдельные, купчие, льготные, на устройство торгов, на аренду мыт, на устройство става [2, с. 52]. Большая часть действий, совершавшихся представителями публичной власти в пользу того или иного контрагента, оформлялась в виде пожалования, поэтому в качестве обобщающего наименования такого рода актов действительно можно использовать термин «жалованные грамоты». Очевидно, что их следует относить к договорному и договорно-законодательному видам.

Юридическая сущность сделки, закрепленная в диспозитивной части актов, которыми осуществлялось то или иное пожалование, чаще всего выражена глаголом «дал» (не «пожаловал»). Таким образом, значительную часть жалованных грамот Литовской метрики следует трактовать все же как «данные листы». Встречаются их различные самоназвания и названия – «листы», «привилеи», «данины», «даты».

Определение разновидности акта на основании инфинитивной формы его юридической клаузулы предпочтительно, но не всегда оправданно. Так, сущность пожалований, временно освобождавших определенных лиц или категорий населения от выполнения повинностей, может быть выражена глаголами «отпускаем»¹⁰, «вызволяем»¹¹, оборотом «воли дали и сим листом даем»¹². Очевидно, что определение таких грамот как «отпускных», «вызволенных» или «данных на льготу» нецелесообразно, так как в историографии вполне утвердился термин «льготный лист», который полностью характеризует правовое содержание подобных документов. Арендные листы могут иметь в диспозиции и глагол «арендовали», и глагол «запродали», однако наименование этих грамот «продажными листами на аренду мыта (корчмы, озера)» едва ли уместно.

Ставленные листы в своем большинстве имеют форму данных грамот и содержат в диспозиции глагол «дать». Учитывая, что 1) целеполагание создания этих документов заключалось в регулировании конкретной сферы социально-экономических отношений (общественный институт церковного патроната); 2) термин русской дипломатики «ставленная грамота» имеет схожее правовое содержание; 3) этот термин известен литовским источникам первой половины XVI в.¹³, – он может быть использован в терминологии литовской дипломатики для обозначения акта, утверждавшего права на священноначалие.

Методическими рекомендациями 1985 г. подобные акты, судя по всему, предлагается называть «жалованными уставными», то есть грамотами, «уста-

¹⁰ РГАДА. Ф. 389. Кн. 32. Л. 25 об.

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Там же. Кн. 36. Л. 40 об.

¹³ Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4: Памятники полемической литературы в Западной Руси, Кн. 1. С. 9.

навливающими юридический статус должностных лиц или различных групп населения». Здесь остается непонятным их отличие от «привилеев» (просто «жалованных грамот»), «согласно которым передаются права на занятие должностей или даруются чины». Для первого случая в качестве примера составителями Методических рекомендаций приведен лист на архимандритство, для второго – лист на воеводство и канцлерство [1, с. 21, 23]. Великокняжеским пожалованием, выданным на тот или иной уряд (светский или духовный), в любом случае фиксировался статус получателя и передавался ряд определенных полномочий – даже если это не было специально оговорено в тексте источника. Под уставными грамотами все же следует понимать только «грамоты, регламентирующие основные принципы управления и суда различных социальных категорий населения» [1, с. 23]. Пожалования светских административных должностей целесообразно именовать данными листами (на воеводство, на войтовство и т. д.); пожалования духовных санов – ставленными листами.

Выдача ставленных грамот в древней христианской церкви практиковалась с V–VI вв., в Северо-Восточной Руси с XI–XII вв. [10, с. 120]¹⁴. Ставленные грамоты «представляют собой документ о том, что получивший его священнослужитель был... последовательно возведен из мирянина в чтеца, поддиакона, диакона и пресвитера и поставлен к определенному храму епархии. Благословенная грамота подтверждает права священнослужителя, уже имевшего ранее ту или иную степень священства, совершать богослужения и обряды» [11].

Принимая во внимание особенности функционирования института церковной инвеституры в Литовском государстве, под ставленным листом следует понимать документ, при помощи которого представители светской власти закрепляли за тем или иным священнослужителем право единоначалия в отношении конкретной церкви, монастыря или архиерейской кафедры с передачей ему прав на недвижимое имущество. Ставленные листы являются разновидностью актов договорно-законодательного вида и образуют подразновидности: 1) на священство (поповство), 2) игуменство, 3) на владычество (епископство).

В диспозиции ставленных листов на священство обороты, выражающие юридическую сущность акта, формулируются как «церковь дали», «мает церковь держати», «мает попом быти». Ставленные листы на игуменство содержат в диспозиции обороты «манастырь дали», «мает монастырь держати»; листы на владычество – «владыцтво дали», «мает владыкою быти», «мает владыцтво держати».

При подтверждении королевой Боней пожалований «хлебами духовными», которые были осуществлены ее урядниками или предшественниками,

соответствующие грамоты следует называть подтвердительными ставленными листами. Они содержат отсылку к более ранним ставленным листам, выданным тому же адресату, и так же являются самостоятельной разновидностью. Таким образом, акт, подтверждающий права священнослужителя на конкретный объект «подавания» – например подтвердительный лист на поповство в определенной церкви, – образует уже подразновидность. В их диспозиции употребляются обороты «потвержаемъ», «дали» и т. д.

Вероятно, среди актов Великого княжества Литовского следует различать 1) ставленные архиерейские листы, выдававшиеся церковными властями в соответствии с каноническим правом, и 2) ставленные светские листы, получившие широкое распространение вследствие действия права церковного патроната. Ни один из известных ставленных листов королевы Боны и ее урядников не содержит отсылок к благословенным и рукоположенным грамотам (хиротониям) церковных иерархов. Сам документ предписывал ставленникам исполнение культовых обязанностей в соответствии с канонами – «водлуг закону греческого». При этом факт получения иерейского или архиерейского места, вероятно, приравнивался к занятию административной должности, связанной с исполнением определенного набора обязанностей: священники проводили церковные службы в соответствии с «урядом и повинностью своею».

При сочетании видовой классификации с классификацией по признакам происхождения схема систематизации актов выглядит довольно громоздко. Однако подобное сочетание позволяет в большей степени конкретизировать социальные и правовые функции акта той или иной разновидности. Например, подтвердительный ставленный лист королевы Боны Федору и Василию Рябцам «на половицу» церкви Рождества в г. Кобрин, на условии опеки старого попа Бориса Еремеевича (1550 г.)¹⁵ следующим образом вписывается в схему систематизации актов источников:

надвид: акты;
вид: договорно-законодательный;
разряд: публичный акт;
подразряд: публичный светский акт;
подвид: ставленный лист;
разновидность: подтвердительный ставленный лист;
подразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство;
надподразновидность: подтвердительный ставленный лист на священство при условии опеки.

В отношении передачи права опеки над тем или иным объектом «подавания», вероятно, следует отличать ставленные грамоты от данных и дозволенных. Наличие между ними различий объясняется особенностями функционирования института церковного патроната в Литовском государстве и находит от-

¹⁴ Появление русских благословенных и ставленных грамот среди документов церковных властей С.М. Каштанов относит к XV в. [8, с. 151].

¹⁵ РГАДА. Ф. 389. Кн. 33. Л. 46–47 об.

ражение в оборотах диспозитивной части некоторых документов.

Ставленными листами, как уже было сказано, за получателем закреплялся весь объем прав, связанных с проведением священнослужительской деятельности и распоряжением церковным имуществом. Ставленники утверждались пожизненно («до живота»). Передача права опеки над патронируемым церковным учреждением другому лицу, очевидно, не означала перехода патроната как такового и носила временный характер. По своей форме опекунов скорее приближалось к праву попечительства или покровительства (*jus patronatus*). В изучаемое время опекунами большей частью являлись светские лица, поэтому назначение великокняжеской или частновладельческой властью опекуна для церковного учреждения, возможно, следует рассматривать как его передачу в кормление. Прерогативами опекуна было управление экономической и хозяйственной деятельностью опекаемого объекта, право взимания податей, поступавших в его пользу, право выбора и поставления священнослужителя (либо рекомендации кандидата своему господарю). Объем этих прерогатив, передававшихся патроном опекуну, и срок их использования различались в зависимости от характера каждого конкретного пожалования опекунов или дозволения пользоваться теми или иными привилегиями в отношении церковных учреждений.

В случае, когда в грамоте патрона (господаря) специально не оговаривается право опекуна на пользование материальными ресурсами церковного учреждения, и правовое содержание этого документа сводится только к разрешению на осуществление каких-либо действий в отношении внутрицерковного устройства, такую грамоту предлагается называть дозволенной. В отличие от нее данная грамота предусматривает полную передачу прав по церковному управлению опекуну (но не передачу права светского патроната)¹⁶. Грамота, содержащая временное разрешение на управление церковным имуществом (или его частью) и участие во внутрицерковной жизни, может именоваться данной дозволенной.

Под «дозволенным листом» литовский Статут 1529 г. подразумевает документ, которым великий князь или его урядники разрешали осуществление частнопроводных сделок купли-продажи, мены или дарения¹⁷. С формальной стороны дозволенный лист должен был предварять заключение любой сделки, однако на самом деле многие совершенные правовые действия приобретали законную силу уже через подтвержденные великокняжеские листы [12, с. 586].

Представляется целесообразным рассматривать дозволенные грамоты как самостоятельную разновидность актов договорно-законодательного вида,

а не приравнять их к подтверждающим листам, как это предлагает О.И. Хоруженко [4, с. 362–363]. Эти грамоты являлись буквальным разрешением центральной власти на осуществление какого-либо действия (или действий), но не утверждением уже произошедшей сделки или события.

Автор надеется, что предложенные им определения – ставленный и дозволенный лист – могут быть учтены в разработке практической дипломатики кириллических документов Литовской метрики и получат дальнейшее развитие. Очевидно, что для выяснения особенностей функционирования и эволюции церковного патроната как одного из социальных институтов Великого княжества Литовского в период, предшествовавший Брестской унии 1596 г., необходимо выявление максимального количества разновидностей документов, устанавливавших правоотношения между представителями светской власти и православным духовенством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методические рекомендации по изданию и описанию Литовской метрики / сост. С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич. Вильнюс, 1985. 133 с.
2. Хорошкевич А.Л. Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 47–74.
3. Ясинский М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889. 210 с.
4. Хоруженко О.И. Современные принципы публикации актов Литовской метрики // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 347–363.
5. Ковальский Н.П. Источники по истории Украины XVI–XVII вв. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. Днепропетровск, 1979. 73 с.
6. Боряк Г.В., Абросимова С.В. Разновидности актов документов Литовской метрики // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. Днепропетровск, 1988. С. 85–89.
7. Менжинский В.С. Феодалное землевладение в Белоруссии во второй четверти XVI в.: автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1988. 32 с.
8. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. 231 с.
9. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 2002. Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. 267 с.
10. Черкасова М.С. Корпус актов источников по севернорусским епархиям XVI–XVII вв. // Проблемы дипломатики, кодологии и актовой археологии: Материалы XXIV междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 113–127.
11. Полознев Д.Ф. Благословенные и ставленные грамоты Ростовской и Вологодской епархий XVI–XVII веков из фондов отдела письменных источников Государственного исторического музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1995. Вып. VIII. С. 49–57.
12. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. М., 1892. 998 с.

REFERENCES

1. Methodical Recommendations for the Publication and Description of the Lithuanian Metrica. Compiled by S.M. Kashanov, A.L. Khoroshkevich. Vilnius, 1985, 133 p. (In Russ.)

¹⁶ «З воли и порученья в опеце и обороне маючи» // РГАДА. Ф. 389. Кн. 36. Л. 28–29.

¹⁷ Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudziej rozprawy sejmowe o tychze prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznan, 1841. S. 155–156.

2. *Khoroshkevich A.L.* Zhalovannaya Gramotas in the Lithuanian Metrica of the Late XV Century and Their Classification. *Istochnikovedcheskiye Problemy Istorii Narodov Pribaltiki*. Riga, 1970, pp. 47–74 (In Russ.)
3. *Yasinskiy M.N.* Charter Zemsкая Gramotas of the Lithuanian-Russian State. Kiev, 1889, 210 p. (In Russ.)
4. *Khoruzhenko O.I.* Modern Principles of Publication of the Lithuanian Metrica's Acts. *Arkheographicheskiy Ezhegodnik*, 2011. Moscow, 2014, pp. 347–363 (In Russ.)
5. *Kovalskiy N.P.* Sources of the History of Ukraine of the XVI–XVII Centuries in the Lithuanian Metrica and Prikaz Funds of the Central State Archives of Ancient Acts. Dnepropetrovsk, 1979, 73 p. (In Russ.)
6. *Boryak G.V., Abrosimova S.V.* Sorts of Act Documents of the Lithuanian Metrica. *Problemy Primeneniya Kolichestvennykh Metodov Analiza i Klassifikatsii Istochnikov po Otechestvennoy Istorii*. Dnepropetrovsk, 1988, pp. 85–89 (In Russ.)
7. *Menzhinskiy V.S.* Feudal Tenure in Byelorussia in the Second Quarter of the XVI Century: Extended Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Moscow, 1988, 32 p. (In Russ.)
8. *Kashtanov S.M.* Russian Diplomats. Moscow, 1988, 231 p. (In Russ.)
9. Monuments of the History of Eastern Europe. Sources of the XV–XVII Centuries. Moscow; Warsaw, 2002, T. VI: Radziwill Family's Acts from the Collection of the Russian National Library: the First Half of the XVI Century, 267 p. (In Russ.)
10. *Cherkasova M.S.* Body of Act Sources for the North Russian Dioceses of the XVI – XVII Centuries. *Problemy Diplomatiki, Kodikologii i Aktovoy Arkheografii: Materialy XXIV mezhdunar. nauch. konf. Moscow, February 2–3, 2012*. Moscow, 2012, pp. 113–127 (In Russ.)
11. *Poloznev D.F.* Blagoslovennaya and Stavliennaya Gramotas of the Rostov and Vologda Dioceses of the XVI-XVII Centuries from the Fords of the Written Sources Department of the State Historical Museum. *Soobshcheniya Rostovskogo Muzeya*. Rostov, 1995, v. VIII, pp. 49–57 (In Russ.)
12. *Lyubavskiy M.K.* Regional Division and Local Government of the Lithuanian-Russian State by the Time of Publication of the First Lithuanian Statute. Moscow, 1892, 998 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 22.10.2015*